

Тартуский гос. университет

Quinquagenario

СБОРНИК СТАТЕЙ МОЛОДЫХ
ФИЛОЛОГОВ К 50-ЛЕТИЮ
ПРОФ. Ю. М. ЛОТМАНА

Тарту, 1972

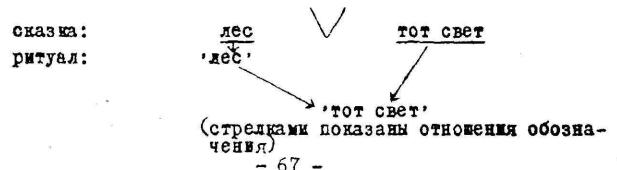
ТЕЗИСЫ К ПРОБЛЕМЕ "ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА И СВАЛЬБА"

А.Балбурин, Г.Левинтова

I. Проблема соотношения нарратива и ритуала как правило рассматривается в генетическом плане: сходство между теми и другим считается свидетельством происхождения одного из другого. Предлагается заменить генетический подход подходом семантическим: корпус нарративных текстов следует рассматривать как описание или перекодировку мифа и ритуала. Т.е. ритуал можно рассматривать как значение нарратива. При этом в качестве значения какого-либо текста может выступать более чем один ритуал. В общем виде корпус мифов и ритуалов ("ритуальный мир") выступает как поле денотатов корпуса нарративов, как "мир" представляет поле денотатов языка.

2. В этом смысле аналогии между инициационным обрядом (puberty initiation) и волшебной сказкой, указанные В.Я. Проппом, следуют рассматривать не как генетические свидетельства, а как систему значений; сказка описывает инициационный обряд.

3. Следует различать случаи, когда нарратив описывает "форму" ритуала и его семантику. Так, мотив "хода в лес" описывает протекание ритуала как в и д я т его участники, а путешествие в иной мир описывает тот же ритуал так, как участники его понимают, т.е. семантику ритуала (то есть "лес = иной мир" относится к другому уровню и тоже может рассматриваться как отношение обозначения). Схематически:

4. Только при такой трактовке возможно одновременное признание отношений "подобия" (обозначения) между волшебной сказкой и *puberty initiation* с одной стороны, и сказкой и свадьбой, с другой. Инициация и свадьба выступают как два уровня значения сказки. Различные элементы сказки могут быть значимы либо для одного из уровней, либо для обоих сразу. То же самое возможно и в соотношении сказки с другими ритуалами. Разумеется, существуют элементы, которые вообще не интерпретируются на этом уровне (хотя имеют значения в других планах)¹.

Этот принцип был выдвинут в работе одного из авторов², и там же были указаны некоторые соответствия сюжета свадебного ритуала и морфологической структуры сказки. На этих вопросах мы здесь останавливаться не будем.

5. Два вида соответствия, указанные в § 3, сосуществуют в отношении "сказка-свадьба". В сказку могут входить чисто внешние моменты свадебного обряда (например, бания), с другой стороны, возможны случаи, когда из ряда однородных элементов свадьбы в сказку входят только значимые, или вернее, когда сказка абстрагирует значение элементов ритуала от их свадебного оформления. Так, множественность передвижений жениха в локус невесты и назад, в свой локус, в сказке "суммируется" и репрезентируется одним значимым перемещением. В другом месте³ мы показываем, что множественность перемещений является чисто "формальным" элементом, и весь ряд перемещений репрезентирует одно, основное.

¹ Ср. такие явления как "конфессиональная" и "суеверческая замена" (В. Я. Пропла. Трансформация волшебных сказок. - Пoэтика. Бременник отд. словесных искусств ГИИИ. ГУ, Л. 1928, стр. 81. Ср.: В. Н. Топоров. К реконструкции мифа о мировом яйце. - Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1967).

² Г. А. Левинтон. Свадьба как диалог (готовится к печати).

³ Г. А. Левинтон. Некоторые общие вопросы изучения свадебного обряда. - Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970.

Но и этот чисто "формальный" элемент свадьбы - множественность перемещений - тоже находит аналогии в сказке: например, в текстах, где герой несколько раз отправляется из дома к дворцу царевны.

6. Сопоставление сказки и свадьбы может иметь значение для изучения обоих текстов. Немотивированные элементы сказки могут получать при сопоставлении мотивировку: так, амбивалентность невесты в свадьбе, засвидетельствованная во многих свадебных традициях, объясняет такое же отношение к ней в сказке (как в пределах одного текста: невеста - вредитель и она же искомая добыча, так и при сопоставлении разных типов невест)⁴). Действия сказочной невесты мотивируются свадебным представлением о женихе-погубителе. С другой стороны, сказка в силу указанной выше особенности (§ 5) может декодировать некоторые неясные моменты ритуала.

Сопоставления отдельных элементов сказки и свадьбы имеют смысл только если мы признаем, что сказка в целом, как текст, описывает свадьбу (по-разному в разных "аллосказках"). Соответствия между отдельными элементами сказки и свадьбы устанавливались давно (ср. работы В. Я. Пропла, Е. М. Мелетинского), известно также, что сказка может описывать некоторые моменты социальных структур, связанные с браком и входящие в план содержания свадьбы - "брачные правила", в первую очередь, правила экзогамии и эндогамии (работы Е. М. Мелетинского), но не соответствие сюжетов свадьбы и сказки. Различие между нашим подходом и подходом Е. М. Мелетинского заключается в первую очередь в том, что мы рассматриваем сказку как один текст, а различные сюжеты как аллотексты, варианты. Е. М. Мелетинский в работе "Брак в волшебной сказке"

⁴

Е. М. Мелетинский, С. П. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сегал. Проблемы структурного описания волшебной сказки. - Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969.

ке"⁵ рассматривает отдельные сюжеты, типы (в несколько более обобщенном виде, чем у Аарне). Эти подходы не только не исключают друг друга, но служат необходимым взаимодополнением, так как разные сюжеты по-разному соотносятся с разными ритуалами (в том числе - свадьбой) и, с другой стороны, существует общая для всех сюжетов семантика отдельных функций (в смысле "Морфологии сказки"), входящая в семантику инварианта сказки.

7. Сопоставление со сказкой позволяет проинтерпретировать такие элементы свадебного ритуала как кезэл дружки или плетка жениха⁶. Если устанавливать соответствия между системами персонажей сказки и свадьбы, то жених будет соответствовать герою сказки, а дружка - помощнику. Возможность перераспределения функций между помощником и героем - общезвестна (ср. Сказку о Семи Сimeонах в разных вариантах), это объясняет тот факт, что плетка может быть и у жениха и у дружки. Дружка плеткой поднимает молодых с постели после первой ночи. Связь с первой орачной ночью указывает сказочную параллель: помощник в первую ночь замещает героя и женихом/медином и т.п. прутами избивает невесту. С этим в свою очередь соотносятся мотивы, которые традиционно интерпретируются как подмена жениха дружкой (дружка принимает невесту к стене - фикция coitus'a, бросается на постель молодых до того, как они лягут и пр.). Это сопоставление приобретает достоверность, если учсть, что "дружке принадлежит роль <...> охранителя вступающих в брак"⁷. Таким об-

⁵ E. M e l e t i n s k y . Die Ehe im Zaubermaerchen. Ihre Funktion und ihr Platz im Struktur der Maerchen. - Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. T.XIX(1970). f. I-4.

⁶ Материал собран в книге Н.Ф.Сумцова о свадебных обрядах преимущественно русских. Харьков, 1881, стр.17, 28, 94-95; Н.С.Богословский. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. Пермь, 1927, стр. 6-7, 17-23. и др.

⁷ Н.С. Богословский. Ук. соч., стр.52.

разом естественно соотнести кезэл дружки с теми прутьями, которыми помощник героя в сказке бьет невесту⁸. Это сопоставление имеет смысл, так как представление об опасности невесты для жениха (именно в первую ночь - до полной инкорпорации в группу жениха) существует и в сказке и в свадьбе⁹. Сопоставление с при实战ическими ритуалами окончательно проясняет картину (ср. интерпретацию сказочного мотива В.Я. Проппом, трактующим его как ритуальную дефлорацию). Таким образом фаллическая интерпретация кезэл дружки, традиционная в изучении свадьбы (ср. русские фразеологизмы со словом шапка) получает специфический смысл: чтение кезэл = 'фаллос' мотивируется функционально и при этом уточняется: кезэл означает именно "искусственный" фаллос, - не человеческий¹⁰.

Плетка жениха дублирует этот же мотив, а на другом уровне включается в цикл элементов, связанных с мотивом насилия над невестой. Такая полисемия элементов - явление обычное в ритуале.

8. Видимо, с этим же комплексом связан мотив в "Повести о Дракуле": "девицы, которые девства своего не сохранят, и вдовам <...> в срамея рожны разлены железни воизаху, и во уста исходаху"¹⁰. Это представляется нам переосмыслением при实战ического мотива (ритуальной дефлорации) в качестве наказания (по принципу подобия наказания преступления: "Око

8

Ср. случаи, когда жених бьет невесту плеткой (Сумцов. Ук. соч., стр.28).

9

Ср. также роль помощника, охраняющего героя от змея в первую ночь, и ритуал "вооруженного оберегания молодых в первую ночь" (Сумцов. Ук. соч., стр.21).

10

Повесть о Дракуле. М.-Л., 1964, стр.181, 120, 132, 138, 166, 174. Ср. термин разжение, разногласие исак о бытии

- 71 -
 "Борзяжий 'изогти' ссыпано в чудакицескій митраторук и излемице о Драке (Златогуз, Стародрязьская народническая литература и т.п.). М.Д.Виргинский (Башкорт) вариант этого мотива можно увидеть в сказке "Горячий кляй" («Заданных скаках» Афанасьевой). ~~(См. "Изогти" в быту)~~

ЯМК

за око¹¹). При этом мужей, совершающих прелюбодеяния¹², Дракула сажал на кол (см. стр. 166, 174). Следует учесть, что сажание в ритуалах настолько связано с приалическими мотивами, что Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров на основании одного только сажания невесты на коровай реконструируют фаллическое значение последнего¹³. Показательно, что трусливых воинов Дракула тоже сажал на кол, "глаголя: "ты еси не муж, но жена" (стр. 117-118).

9. Сопоставление со сказкой и былиной позволяет проинтерпретировать один необычный обряд, записанный в новгородской губернии: когда невесту вручает жениху, он "принимает руку, жмет ее и наступает на ногу". Невеста при этом причитает:

Как сжанул он белу рученьку,
Наступил на скору ноженьку,
Ж пролил кровь горячую!... (Шайн. Великоросс в
своих песнях ... т. I, в.2,
СПб., 1900, стр.503)
/I, 1660/.

Информант комментирует, что на ногу наступают "так, что кровь идет". Последнее кажется нам влиянием причитания.

¹¹ Мотив, по-видимому, универсальный. Ср. китайский рассказ о человеке, попавшем в "утопическое государство": "Особенно же странным у них был уголовный кодекс. Тому, кто отрубил человеку ногу, тоже отрубали ногу; тому, кто нанес другому рану в лицо, тоже наносили рану в лицо, точно в то же место, не отклоняясь ни на волос. Если человек изнасиловал чужую дочь или сына, то и его дочь или сына насиливали, а если у преступника не было детей, то из дерева выстругивали фаллос и загоняли ему в задний проход". См. Канбэй Мэй. О чем не говорил Конфуций. Пер. О.Л. Фишман. [в печати] M. 1973 тираж 386.

¹² Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров. К семиотической интерпретации коровьих и коровайных обрядов у белоруссов. - Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1967, стр.70.

- 72 -

В самом же причитании этот мотив имеет, видимо, другой смысл. В записи не указано, какую руку берет жених и на какую ногу наступает, однако, как правило, жениху вручает правую руку невесты. Направляется аналогия с былинным разрыванием "на-попы": герой берет противника за правую руку, наступает ему на левую ногу¹³ и разрывает его пополам. Нельзя ли предположить, что этот обряд симулирует такое разрывание (к этому же относится "кровь" в причитании). Такое разрывание пополам вполне осмысленно, если учесть известный сказочный мотив: помощник разрезает невесту героя пополам, очищает ее внутренность от "гадов" и снова составляет и оживляет ее. Здесь имеет место то же перераспределение функций жениха и помощника, что и в предыдущем случае, а смысл этого мотива (и в ритуале, и в сказке) связан с представлением об опасности невесты для жениха.

¹⁰ Е.И.Мелетинский в указанной выше работе показывает, что брак является для героя способом разрешения общественного конфликта, который в сказке реализуется "на семейном уровне". Брак с царевной и дочерью купца выводит героя из положения, в котором он зависим от семейного конфликта, из бедности и т.п. При этом словесные различия между вступающими в брак в сказке почти всегда обязательны, Е.И.Мелетинский называет это экзогамией, действующей "по вертикали". Однако брак дает возможность выйти из конфликтной ситуации не только потому, что невеста героя - царевна, герой "разрешает конфликт, повышая свой общественный статус"¹⁴.

¹³ См. об этом Вяч.Вс. Иванов, В.Н.Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр.100, сн.94.

¹⁴ Е.Мелетинский. Op.cit., §.288.

- 73 -

не только в сословной иерархии, но и в возрастной. Падчерица, вышедшая замуж, избегает притеснения мачехи потому, что выходит из семьи, перестает быть младшей, становится полноценным членом социума, не зависящим ни от мачехи, пытающейся ее известить от отца, преследующего с incestными намерениями. Свадьба, будучи переходным, инициационным ритуалом, переводящим новобрачных из группы "младших" в группу "старших", сохраняет это свое значение и в сказке.

II. На этом основании можно сделать некоторые предположения о характере взаимодействия разных уровней значения в сказке: видимо, сказка описывает инвариант инициационного ритуала, переход реализуемый в инициационном комплексе "смерть-воскрешение". *Puberty initiation* и свадьба выступают как варианты по отношению к этому "общему значению". Т.е. полисемия волшебной сказки может объясняться в первую очередь изоморфизмом всех инициационных ритуалов, составляющих область значений сказки.

Выдвинутая Е.М. Мелетинским идея о диахронических отношениях свадебного и инициационного обряда ("в тех обществах, где еще сохранились церемонии посвящения, вступление в брак не сопровождается сложными ритуалами"¹⁵) позволила бы объяснить те же отношения в сказке диахронически, например, "переосмыслением". Но такое объяснение кажется нам неприемлемым. Свадебный "смысл", возможно, появляется в сказке позднее инициационного "*puberty*", но не заменяет его, а существует с ним. С другой стороны, то, что предлагаемая интерпретация может относиться только к "классической" волшебной сказке и, как показывают материалы Е.М. Мелетинского, неприменима к более ранним образованиям,

¹⁵ Е.М е л е т и н с к у . Ор.сит., с.284. Ср. также его замечания о позиции брака в синтагматической структуре сказки и мифа (с.287.). - 74 -

показывает, что генетическое объяснение здесь просто неприменимо.

12. В другой работе авторов¹⁶ был рассмотрен мотив свадебного величания – называния жениха и невесты князем и княгиней. Мы постарались показать, что смысл этого величания – в перекодировании возрастного перехода: высший в возрастной иерархии обозначается термином, называющим высшего в государственной иерархии, т.е. устанавливаются отношения эквивалентности между возрастным и "государственным" кодами. Это стоит в связи с самой сущностью оппозиции "старший – младший", которая выступает в двух вариантах: возрастном и социальном (т.е. связанным с не-возрастной иерархией в социальной структуре). Такую же связь мы обнаруживаем между двумя "переходами" в сказке, где брак и воцарение настолько взаимосвязаны, что В.Я.Пропп обозначает их одним символом. Можно предположить, что воцарение находится в тех же отношениях обозначения с возрастным свадебным переходом, что и термины "князь" и "княгиня". При этом сохраняется соотношение, установленное нами ранее¹⁷: светский элемент в сказке соответствует трону в свадебной песне.

Воцарение и свадьба являются вариантами "возвышения", перехода в социальной иерархии (возрастная

16

"Князь" и "княгиня" в русском свадебном величании (в печати).

17

Г.А.Левинтон. Свадебный обряд в сопоставлении с другими. – Тезисы докладов 14 летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, стр.31-32.

иерархия - тоже один из видов социальных структур)¹⁸. Мотив "возвышения" позволяет переосмыслить оппозицию "низкий/высокий", характерную для сказки.

В работе группы Е.И.Мелетинского вариант этой оппозиции сведен в следующую таблицу:

низкий/высокий

личный		социальный	
духовный	телесный	сословный	семейный
глупый/ умный	уродливый/ красивый	крестьянский/ царский	младший/ старший

В этой таблице мы заменили бы "семейный" на "возрастной" (эта формулировка имеет свой смысл для статьи группы Е.И. Мелетинского, но не очень удобна для нас), а "сословный" вариант определили бы как "царский/не царский", тогда сюда войдут два состояния царского сына, который не является царем и часто функционирует в сказке как крестьянский или купеческий сын (например, в случае изгнания). Следует также учитывать, что воцарение может заменяться обогащением, что тоже имеет параллель в "богатстве" новобрачных в свадебном величании¹⁹. Иначе говоря, в этой графе могут

18

Подобную корреляцию движения в возрастной и невозрастной социальной иерархии отмечает Т.Тернер в своем анализе мифа об Эдипе. - T.S.T and gne r.Oedipus: Time and Structure in Narrative-Forms of Symbolic Action . 1969 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society. Seattle - London, 1969.

19

См. об этом: Н. Морева. Мифологизм русской и античной свадебной песни. - Уч. зап. ЛГУ № 3 серия филологич. наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 225-227. Здесь же даны интересные параллели между свадебной песней, с одной стороны, и сказкой и былиной, с другой.

стоять граничные состояния любого невозрастного перехода в социальной иерархии²⁰.

В той же работе констатируется: "Оппозиция низкий/высокий" не прямая, а парадоксальная (обратная). большей частью имеется в виду либо видимость персонажей, не соответствующая их внутренней сущности, либо внешний статус, который преодолевает героя. В ходе сюжета низкое оказывается лишь маской героя (и сущность 高尚ного героя), или с помощью волшебных сил оно меняется на высокое состояние в finale²¹.

Для волшебной сказки это "или" в последней фразе вряд ли ~~исполнено~~: обнаружение "высокой" природы героя в сказке всегда выступает как трансформация²², одна из существенных финальных функций. Сказку в целом можно сокращенно записать как движение от "низкого" к "высокому", причем, в принципе, в сказке могут выступать все четыре варианта (в частности, признаки "уродливый" и "глупый", как правило, неразрывны). Все эти характеристики приписаны героям в первой части

20

Ср.: В.Н. Топоров. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов. - Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969, стр. 128, где в качестве примера социального плана оппозиции старший/младший приведено: "хозяин - работник".

21

Е.И.Мелетинский, С.Д.Неклюдов и др. Ук. соч., стр. 103.

22

В.Я. Просп (Морфология сказки. М., 1969, стр. 59), разбирая функцию т ("трансформации"), указывает на особый случай, который определяет: "Ложные доказательства богатства и красоты, принятые за действительные доказательства" (например, финал сказок типа "кот в сапогах"). Однако это несвойственное героям состояние становится с момента Т его постоянным статусом, т.е. этот вариант функции трансформации тоже может считаться "переходом".

сказки, до перехода, в финале же все знаки меняются на обратные. О.М.Фрейденберг говорит о "многих сказках", где "герой является дураком до женитьбы, но становится умным немедленно после брака, и точнее, в браке"²³. С этим хорошо сопоставимы "анекдотические" (в смысле классификации А.Аарне) сюжеты о глупом женихе и глупой невесте, ср. также ряд сюжетов, связанных с "незнанием": герой проявляет полное невежество во всем, в результате чего овладевает женщиной (она его учит спать на кровати и т.п.). Таким образом "глупость" является существенным признаком младшего. Следует оговорить, что характеристика "младший" выступает в сказке в двух значениях: "младший с точки зрения возрастного перехода" - т.е. неженатый, младший в социальной иерархии, и "младший по сравнению с другими" - "младший брат". Есть случаи соединения этих значений: неженатый младший брат противопоставлен женатым старшим, т.е. статичным персонажам, для которых невозможен переход и следовательно сам сюжет. В остальных случаях характеристика "младший", присоединенная сказочному герою, находится в "метафорических" отношениях со значением "младший - неженатый". То, что герой "младший" в отличие от "лже-героя" естественно - только для младшего возможен переход, возможно функционирование в сюжете. Здесь мы находим хорошее объяснение сказочному вниорату и так называемой "идеализации обездоленного" (бедный и т.п. - как вариант значения "низкий"). "Низкое" состояние в начале сказки является таким же непременным условием "перехода", как инициальное вредительство - условием ликвидации его последствий.

²³ О.М.Фрейденберг. Миф об Иосифе Прекрасном. - Язык и литература, т.УШ, Л., 1932, стр. 741.

13. Все эти варианты оппозиции низкий/высокий можно рассматривать как взаимные перекодировки, причем с точки зрения выбранного аспекта описания (сказка и свадьба) основным является возрастной переход²⁴. Он является основным при сопоставлении сказки с любым инициационным ритуалом (на другом уровне - учитывая указанные В.Я.Проппи соответствия сказочного воцарения ритуалу коронации, выборов царя и т.п. - основной будет оппозиция "нецарский/царский"). Основной мы называем такую оппозицию, которая при данном аспекте рассмотрения является значением остальных, выступающих в качестве ее перекодировок, обозначений. Сказка как инициационный (в широком смысле) текст связана в первую очередь с возрастным переходом. Он кодируется в сказке через другой социальный переход (нецарский --> царский, или вообще низший --> высший в невозрастной иерархии) и чисто "мифологический" (или чисто сказочный), т.е. не имеющий аналогов в социаль-

24

Связь возрастного перехода с "невозрастным" и акцентирование этого второго перехода, "использование классовых контрастов" в формуле, описывающей заключительный брак в сказке, приведены и систематизированы А.И.Викическим в Мотив. Функция, стиль и классовый рефлекс в сказке. Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А.С.Орлова. Л., 1934). Необходима одна поправка: следует различать случаи воцарения крестьянина - одна из фундаментальных черт сказки и случаи, когда "купец подчеркивает в брачной формуле свои чаяния", и "солдат не забудет в брачной формуле своего интереса" - т.е. случаи вторичного осмыслиения подлинного "классового рефлекса", хорошо описанного М.К.Азадовским. Так же сомнительно, что "попреволюционная психология класса наступающего обнаруживает черточки более острого овладения властью; царя хотят сбросить или унизить" (стр. 99). В свете работ В.Я.Проппи о финальном цареубийстве и низвержении (Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; Эдип в свете фольклора - Уч. зап. ЛГУ, № 72. Серия филологич. наук, в.9, Л., 1945) трудно отнести этот мотив к "попреволюционной психологии".

ных структурах - "уродливый, глупый --> красавец, умный". Неразрывность этих характеристик, отмеченная выше, видна в сказочных формулах, в названии "дурак" (подразумевающем обе характеристики) и описании "трансформации": "стал красавцем" (не "умным")²⁵. Ряд побочных характеристик "дурака", выступающих в трансформациях "грязный --> чистый" и пр., могут связываться с оппозицией "природа/культура", с которой в свадьбе связан возрастной переход (переход в класс "взрослых" как социализация, включение в социальную структуру).

14. Указанный "сказочный" переход реализуется в специальной функции "трансформации" (ср. отнесение этого перехода к функции L, ликвидация первоначального состояния - в указ. статье группы Е.М. Мелетинского - таблица после стр. 114), остальные переходы реализуются в функциях, синтагматически связанных, "свадьба" и "возвращение". При этом все три перехода, как указывалось, могут заключаться в одной сказке (тогда перекодировка происходит внутри текста), и в разных сказках, в разных вариантах, если рассматривать все сказки как варианты одного текста (подход В.Я.Проппа), или в разных типах (в терминологии А.Аарне). Если в тексте выступает один переход, то это не обязательно свадьба, это может быть только возвращение, или даже просто обогащение (в "анекдоте"). При этом "даже в тех сказках, в которых брачна тема собственно не фигурирует, например, в <...> сюжете о японце, приобретающем власть над лесными

²⁵ К.Леви-Стросс отмечает параллельность европейского и американского сюжетов, в которых друг другу соответствуют "сословный" переход ("Золушка") и переход "уродливый-->красивый" (см. C. L é v i-S t r a u s s The Structural Study of Myth.-Idem. Structural Anthropology. New-York - London, 1963, p.226.

демонами, Баба Яга сводит японцу со своей брачноспособной дочерью (AT,327) и Морозко называется женой падчерицы²⁶. Здесь проявляется необходимость совмещения обоих принципов изучения сказки: изучения отдельных типов и даже вариантов, и сказки в целом, как единого текста.

15. Тождественность трех видов переходов, отношения взаимообозначения, перекодирования между ними относятся к парадигматической оси сказки, в тексте они выступают в синтагматической соположенности. Таким образом принцип реализации парадигматических отношений в синтагматических, сформулированный [для литературных текстов] Р.О. Якобсоном, [он правдив] в [применении к сказке, что, разумеется, не означает возможности применения к фольклору литературоведческих построений во всех случаях (смиска В.В.Шкловского).]

16. Изложенное является, на наш взгляд, достаточным основанием для того, чтобы считать "трансформацию" отдельной функцией (тем более важной, что она по сути дела перекодирует всю сказку), в противоположность мнению С.А.Серебрянского²⁷, считавшего ее эквивалентной другим превращениям в сказке (превращение вредителя для функции "выведывания", превращение героя в животное и т.п.). Разница здесь такая же как между финальным браком (функция "свадьба") и другими браками. Не следует смешивать этого мотива <финального брака> с браком в сказке вообще. Последний мо-

²⁶ E. M e l e t i n s k y . Op.cit., s.287.

²⁷ С.А. Серебрянский. Интерпретация формулы В.Я.Проппа. - Тезисы I летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966.

иет быть браком отца героя с мачехой или браком счастливым ("жена-красавица") или несчастным (Амур и Психея) самого героя и нести функцию завязки для последующих действий²⁸.

Разница между "трансформацией" – функцией, соотносимой с семантикой сказки, и другими превращениями сопоставима с различием "метаморфоз" и "превращений" (ложных превращений, обманов) в "Метаморфозах" Овидия²⁹. В частности, и "метаморфозы" и "трансформация" отличаются от "превращений" необратимостью.

17. Е.М. Мелетинский считает, что в сказке имеет место медиация между "крестьянским" и "царским"³⁰, следуя за Леви-Строссом, который называет Золушку "социальным медиатором"³¹. Решение этого вопроса зависит от того, можем ли мы считать, что в переходных ритуалах имеет место медиация между "старшим" и "младшим". Переход трудно считать медиацией, так как наряду со снятием различий в нем в большей степени присутствует их акцентирование (особенно учитывая, что индивидуум, проходящий ритуал, в начале и в конце ритуала не тождествен самому себе: смерть-воскресение, как превращение в нового человека). Медиация, бесспорно, есть в сказке, если рассматривать сказку в отрыве от ритуала и чисто парадигматически. Выписывая объекты и их характеристики

28 А.И. Никифоров. Ук. соч., стр.288

29 Д.К. Щеглов. Некоторые черты структуры "Метаморфоз" Овидия. В сб.: Структурно-типологические исследования. М., 1962.

30 E.Mel etinsky. Op.cit., s.291-292.

31 C. Lévi-Strauss. Op.cit., p.226.

ки, мы должны будем приписать сказочному героя в качестве характеристик оба члена соответствующей оппозиции ("старший-младший", "нечарский-царский" и т.п.). Но в тексте сказки эти характеристики не совмещаются, они разделены синтагматически, т.е. не одновременны³². Таким образом медиация есть в парадигматике сказки и реализуется в синтагматике, как переход. В плане содержания сказки мы выделяем уровень собственно сказочной семантики (в духе Леви-Стrossса), несоотносимый с ритуалами (иначе нельзя алиминировать синтагматику), и на этом уровне переход (в плане выражения) соответствует в качестве его значения медиация.

18. Если предположить, как сделано выше, что ядром сказки является переход, который кодируется тремя различными способами, то возникает возможность стратификации сказки. Можно представить сказку как текст, состоящий из нескольких слоев, каждый из которых имеет свою интерпретацию. Свадьба, воцарение и трансформация описывают переход. Они могут быть выделены в самостоятельную систему, описывающую сказку: изначальное состояние (нижнее- во всех трех вариантах) Т → финальное состояние (высшее во всех трех вариантах). Т – здесь обозначает трансформацию и также выступает в трех вариантах: функции трансформации, свадьбы и воцарения.

Другой уровень образуется пространственной структурой сказки – перемещения "туда" и "обратно", интерпретируемые как смерть и воскресение и связанные с мифологическими и ритуальными значениями "перехода".

32 Отнесение медиации к чисто парадигматическим явлениям естественно, учитывая "асинтагматичность" концепции Леви-Стrossса. Кроме его работ, см. о медиации: E. Leach. Genesis as Myth and other Essays. London, 1969, p.II.

да". Рассмотрение сказки как цепи потерь и приобретений частично перекрывает первый из выделенных слоев, но может иметь и самостоятельное значение. Наконец, выделение серии испытаний и реакций героя может быть сопоставлено со структурой всякого ритуала. Попытки такой стратификации в какой-то мере можно найти в указанной работе С.А. Серебряного (где, в частности, хорошо выделена роль перемещений) и отчасти в формуле И.Попа. С другой стороны, к этой стратификации приближается разработка сказочной модели Е.М. Мелетинского. Основным в этой проблеме кажется нам то, что каждый из таких "страт" может рассматриваться как вся сказка. Тогда их отношения будут относиться к сказочной парадигматике, а синтагматическая соположенность элементов этих "слоев" в реальной морфологической структуре сказки будет объясняться тем же принципом Якобсона.

19. Если серия "уровней", отождествляемых на парадигматической оси, реализована в сказке в их синтагматической соположенности, то в отношениях плана содержания сказки и реальной системы ритуалов проявляется обратное соотношение: различные инициационные обряды парадигматически отождествляются в сказке (выступая как различные уровни значения, изоморфные друг другу), между тем, эти же обряды в "реальности", т.е. в их собственной системе - системе ритуалов жизненного цикла, образуют последовательность, т.е. синтагматическую цепь.

Эти отношения прослеживаются и внутри семантики сказки: тождественные, перекодирующие друг друга свадьба и инициация (*puberty initiation*) с другой стороны, необходимо следут одна за другой, так как последняя является условием первой (мы не име-

ем в виду тех тривиальных случаев, когда в самом сюжете свадьба и инициация связаны синтагматически: т.е. когда условием брака "внутри" сюжета является "трудная задача" инициационного характера и т.п.). Т.е. синтагматические и парадигматические отношения взаимно обозначают друг друга ³³.

33

Авторы приносят благодарность Е.Г.Рабинович, С.Б.Чернецову и, в особенности - В.В.Руденко, помогшим в работе над этой статьей.